

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обв. АНИЩЕВА, Анатолия Исаевича,

от 28 декабря 1934 года

В дополнение к моим показаниям от 27/ХП с.г.

1. Основной итог, который после XV съезда подводился на об"единенных заседаниях "ленинградцев" и "троцкистов", заключался в том, что оппозиция идейно не разбита. Это определяли и мы на местах (Самарканд-Ташкент). См. напр., мои тезисы совещания Самаркандской группы), это положение защищали и центровики (Москва).

Дальше шло разделение по двум тактическим линиям: одна - продолжать открыто "держат знамя", "не теряя лица"; другая - подавать покаянные заявления, возвращаться (гл.образом, собственно, троцкисты) в партию, зарабатывать доверие, чтобы сохранить кадры и выжидать возможность вернуться к руководству и проводить свою линию (ЗИНОВЬЕВ, "ленинградская группа").

И те и другие, в равной степени, сохраняли свое особое лицо. И те и другие, в равной степени, продолжали сохранять контр-революционную организацию: одни внутри партии, другие вне ее. Я принадлежал и был связан с зиновьевской группой. В период моей работы в Средней Азии (до лета 1931 года) я несколько раз встречался с членами ташкентской группы (ЯРОСЛОВ, ПЕРИМОВ и др.) и из центровиков с ГЕРТИКОМ. И там и тут давались установки о "честной" работе в партии, о необходимости сработаться и завоевать доверие, а вместе с тем и такая оценка положения, что партия идет на наши позиции, что СТАЛИН, лавируя, вынужден отступать (борьба с правыми), но что своими маневрами СТАЛИН может погубить партию, и что нужно сохранять кадры, оберегать особенно

вождей - ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и не затруднять положения неуместными выступлениями с критикой руководства партии.

Об организационных связях за этот период сказать ничего не могу, так как жил довольно оторван^о в Ср. Азии. 1930 год в Ташкенте оставались только трое (я, ДРОНОВА, РИТМАН), неразрывно связанные между собой и представлявшие обособленную к.-р. группу, работавшую в партии, но сохранявшие себя как группу, постоянно собиравшуюся и со своих к.-р. позиций обсуждавшую политику партии.

2. Мое возвращение в Москву, а, особенно, в Ленинград (конец 1932 года) означали для меня усиление связей с ленинградскими и особенно московскими группами. Моя связь с НАТАНСОН означала, в частности, приближение через нее к московскому центру контр-революционной зинovieвской организации (БАКАЕВ, КУКЛИН, ЕВДОКИМОВ, а также САФАРОВ).

Я застал всех этих лиц в Москве, связанными между собой также, как они были связаны и до XV съезда.

За период 32 и до конца 33 года наша работа сводилась к следующему:

- а/ продолжать завоевывать доверие партии, отсиживаться;
- б/ осторожно преуменьшать достижения партии и преувеличивать трудности и неудачи;
- в/ осторожно дискредитировать партийное руководство;
- г/ держать связь с членами организации, сохранять единую внутри себя линию и оценку политического положения, сохранять кадры.

Как это проводилось, покажу следующими известными мне фактами:

1. Примерно весной 32 года для связи московского центра с ленинградскими группами в Ленинград приезжал ГЕРТИК. ГЕРТИК

был у нас с НАТАНСОН, у БАШКИРОВА, у ЛЕВИНА (кажется, у Михаила ЛЕВИНА). Разговор, который шел у нас, заключал в себе следующие установки: что положение в стране, благодаря грубым маневрам СТАЛИНА, который старается своей левой линией выбить оружие из рук оппозиции (коллективизация), чрезвычайно тяжелое, что администрирование в коллективизации может привести к гибели и т.д.. Давалась информация о восстаниях в деревнях и о голоде на Украине. Затем обсуждалась проблема вождей в следующей постановке: почему революционное движение на Западе, которое находится на подъеме, не создает настоящих революционных вождей и бьется в ряде неудач. Ответ, данный ГЕРТИКОМ сводился к тому, что в этом виновато неправильное, якобы, руководство ЦК ВКП(б) и Коминтерна.

Эта тема вообще являлась постоянной темой, основной директивной установкой московского к.-р.центра. В качестве иллюстрации приводились имена т.ТЕЙЛМАНА на Западе и т.КИРОВА у нас.

Я и НАТАНСОН ставили ГЕРТИКУ два вопроса: можем ли мы сейчас противопоставить свою положительную программу действий и можем ли мы противопоставить СТАЛИНУ других, своих вождей.

На оба вопроса ГЕРТИК отвечал, что, если ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и группа "подвождят" (БАКАЕВ, КУКЛИН, ЕВДОКИМОВ и т.д.), были бы привлечены к руководству, то была бы и программа и правильная политика партии. При этом он высказался по адресу т.СТАЛИНА в к.-р. враждебном, клеветническом духе.

В таком же духе давались ГЕРТИКОМ установки и в следующий его приезд.

2. Из других директивных приездов в Ленинград отмечу приезд ЕЛЬЮВИЧА, который хотя и работал, в Смоленске, но, несомненно, в Ленинграде был, как представитель Московского цен-

тра вскоре после раскрытия дела РЮТИНА-ЗИНОВЬЕВА.

ЕЛЬКОВИЧ, подтверждая необходимость голосования и даже если нужно выступлений против ЗИНОВЬЕВА, характеризовал все дело РЮТИНА - ЗИНОВЬЕВА, как панаму, организованную ЦК для того, чтобы отвлечь внимание партии от неудач на фронте с-х. и на всем хозяйственном фронте, неудач, явившихся, якобы, результатом неправильного руководства ЦК.

Из разговоров ЕЛЬКОВИЧА было ясно, что целью его приезда было разбить то отрицательное впечатление, которое на многих из нас произвела связь ЗИНОВЬЕВА с правыми и подготовить почву для признания возможной необходимости таких блоков.

3. Летом 1932 года я был у БАКАЕВА, где были так же КУКЛИН, ЕЛЬКОВИЧ, и, кажется, заходил не надолго ЕВДОКИМОВ. Разговоры носили сугубо "чайный" характер, но в более осторожной форме велись на те же темы. У меня сложилось впечатление, что я помещал более серьезным разговорам. Такой же характер носила вечеринка у Гр. ФЕДОРОВА, где были БАКАЕВ, КОСТИНА, ГЕРТИК, я, НАТАНСОН. Со мной, поскольку я работал в области с-х., разговоры велись, главным образом, о положении в деревне, причем я сообщал то, что мне известно о всяких недостатках в с-х политике и практике партии.

4. Несколько особняком представляется мне положение в организации САФАРОВА. Он, как-будто, не встречался с ЗИНОВЬЕВЫМ, хотя мне представляется возможным, что его разрыв с ЗИНОВЬЕВЫМ являлся тактическим маневром (на подобие левых у с-д.)

У САФАРОВА я бывал несколько раз (при чем у БАКАЕВА меня всегда расспрашивали о моих разговорах с САФАРОВЫМ). В одну из встреч с САФАРОВЫМ, (примерно, весной 32 года) он расспрашивал меня о положении в Ленинграде, причем выразил недовольство тем, что я, живя в Ленинграде, не знаю о забастовках и волынках на ленинградских заводах. Не помню подробностей, но по его

информации получалось, что забастовки и волынки носят массовый характер и из его недовольства моей неосведомленностью ясно вытекала необходимость для нас быть в курсе таких событий, не питаясь только "казенной" газетной информацией.

Чаще же разговоры с САФАРОВЫМ велись на темы о Коминтерне; при чем все освещение коминтерновских дел сводилось у САФАРОВА всегда к выводу об отсутствии вождей и о слабом руководстве со стороны Коминтерна и ВКП(б).

Отмечу о САФАРОВЕ, что, когда я последний раз (после ареста НАТАНСОН) был у него, то он просил не созваниваться с ним о встречах по телефону, как мы это делали раньше, а встречаться, избегая телефонных разговоров.

5. Явно контр-революционные отношение проявляли и БАКАЕВ и ЕВДОКИМОВ и КУКЛИН и САФАРОВ и КОСТИНА в отношении арестов ГЕРТИКА и НАТАНСОН и в отношении исключения из партии КОСТИНОЙ за выступление по делу ЗИНОВЬЕВА - РЯТИНА. Не помню деталей, но общее у всех нас было то, что это - расправа сталинской гвардии, что и ГЕРТИКУ и НАТАНСОН все пришито.

КОСТИНУ все мы ругали за глупое выступление (правильное по существу), глупое по тому, что, все равно, всей правды она сказать не сказала и не могла, а затруднения и себе и всем нам создала.

Вся эта обстановка, все эти настроения и информации, явно контр-революционные, все это было тем, чем я политически жил и питался все это время.

С ленинградскими членами зиновьевской к.-р. организации я был связан меньше (не считая НАТАНСОН), но и я и НАТАНСОН служили связующим звеном между Ленинградом и Москвой (я по работе часто бывал в Москве).

К нам заходили: ЦЕЙТЛИН, ЛУКИН, КОТОЛЬНОВ, АЛЕКСАНДРОВ,

АНТОНЕВИЧ, кто-то еще из Политехнического Ин-та. Я заходил несколько раз к РУМЯНЦЕВУ. На улице встречался и беседовал с МАНДЕЛЫТАМОМ, БОГОМОЛЬНЫМ.

Все встречи и разговоры с разными оттенками являлись продолжением встреч и разговоров и передачей директивных установок московского центра, как бы по своему не видоизменяли мы деталей оценки политического положения. Мы в Ленинграде представляли собой спаянную контр-революционную организацию. И здесь, как и в Москве, формы этой организации были расплывчаты, соответственно тактике работы "тихой сапой", тактике двурушничества. Нам не нужно было иметь какого бы то ни было оформления членства, - мы знали друг друга и так, и я, как и каждый из нас, могли друг с другом и без оформления встречаться и работать, как члены одной организации. Никто меня не назначал для связи с московским центром, но всякий знал, что если я еду в Москву, то я буду у ГЕРТИКА или у БАКАЕВА и т.д.

Наибольшую ценность для к.-р. организации представляло то положение, которое занимал РУМЯНЦЕВ. Он был ближе других к партийным органам (Райкому) и больше других по своей работе информирован о положении в Ленинграде. К нему и я заходил информироваться.

Помню как, например, в период займовской кампании 1933 года я заходил к РУМЯНЦЕВУ. Он рассказывал мне о том, что заем на заводах Выборгского р-на проходит очень туго, что рабочие недовольны, что партийные организации плохо связаны с рабочими, что Райком не знает заводов. Он рассказывал о том, что секретари не авторитетны среди кадровых рабочих и что есть сохранившиеся старые кадровики - рабочие, партийцы, избегающие активной работы и выдвижения из-за недоверия к руководству, и беспартийные, с которыми у него есть старые связи. Мы оба давали этому такую оценку, что, если бы у руководства в Ленинграде сидели не такие

чуждые Ленинграду люди, как сейчас, а старые ленинградцы, т.е. члены нашей организации, то положение было бы совершенно иным. Этот мотив о плохих вождях в Ленинграде, о слабой связи их с массами, противопоставление этому того, что было "при нас", и что могло бы быть снова, если бы наших вернули к руководству, чаще всего повторялся. Дискредитация и культивирование враждебного отношения к ленинградским вождям, особенно, к т.КИРОВУ, являлось продолжением той же линии в отношении к общепартийному руководству, к т.СТАЛИНУ.

В частности, я и, помню, ГЕРТИК рассказывали, бывая в Смольном, каким пустым и чужим стал теперь Смольный; и я и НАТАНСОН и, помнится, ЦЕИТЛИН и ЛУКИН после какой-то праздничной демонстрации говорили о том, что сейчас между рядами и трибунами нет связи и т.д.

Будучи сами совершенно чужими пролетарскому Ленинграду, совершенно оторванными от пролетарского Ленинграда, мы продолжали (даже я, который и никогда, никаким старым ленинградцем не был) считать себя единственными представителями ленинградского пролетариата, призванными сломить злой рок СТАЛИНА - КИРОВА, которые разрушили по нашим представлениям революционную роль Ленинграда, а тем самым и пролетарскую опору у всей партии.

Отсюда оценка всего положения в партии и стране, исходя из того, что нам не дают возможности работать там, где бы, по нашему, нам полагалось, т.е. у руководства местного масштаба.

Эта тема являлась основной при встрече у НАТАНСОН и меня, ЦЕИТЛИНА и ЛУКИНА. От работы ЦЕИТЛИНА в качестве завхоза К-та Севера до статей, которыми вынужден "прибавляться" ЗИНОВЬЕВ и до обобщений о руководстве партией. Я не помню сейчас

деталей того или иного разговора, но суть была всегда одна и та же.

Мы были и оставались членами единой контр-революционной зиновьевской организации и в Ленинграде вели ту же контр-революционную работу, как везде.

Отношение к аресту НАТАНСОН среди нас было такое же, как и в Москве.

Я, в частности, после ареста НАТАНСОН пошел, конечно, не в парторганизации, не в ГПУ, а к РУМЯНЦЕВУ для того, чтобы РУМЯНЦЕВ использовал свои райкомовские связи, выяснил бы обстановку и мою тактику, в связи с арестом НАТАНСОН.

РУМЯНЦЕВ неудачно пробовал разговаривать об этом в партийных кругах, но выяснил и о других арестах членов нашей организации. О моей тактике РУМЯНЦЕВ сначала "советовался" (т.е., по существу, запрашивал директив) с МАНДЕЛЬШТАМОН, после чего сказал мне, что я должен сидеть и ждать, что я и делал до высылки НАТАНСОН.

О внешних связях.

Мне известны связи НАТАНСОН с представителем националистической контр-революции АБДУРАХМАНОВЫМ. Эта связь являлась продолжением той связи с националистами, которую мы налаживали в Ср. Азии. При встречах НАТАНСОН с АБДУРАХМАНОВЫМ я не присутствовал, но о них знал.

Мне известны связи НАТАНСОН с Владимиром БОГУШЕВСКИМ, которые, я думаю, далеко не ограничивались продолжением простого курортного знакомства. НАТАНСОН говорила мне о том, что эти встречи ценны по той информации, которую она получает у БОГУШЕВСКОГО в области экономического положения.

Я думаю, что экскурсии САФАРОВА в Ср. Азию носили не просто экскурсионный характер. Не помню деталей и имен, но САФАРОВ рассказывал о встречах с некоторыми ср.-азиатскими бывшими вождями.

Об убийстве т.КИРОВА.

Из всего, что я показывал, из всей той работы по дискредитации, по вынашиванию духа ненависти к вождям партии, в частности к т.КИРОВУ, совершенно ясно, что политически выстрел НИКОЛАЕВА связан со всей нашей контр-революционной работой. Не буду говорить о своей личной роли в контр-революционной организации, - она ясна из того, что я показал. Я эту контр-революционную организацию перед партией своевременно не разоблачил, не помог партии предупредить то, что произошло, сам активно участвовал во всей контр-революционной работе и поэтому несу политическую ответственность за все, в том числе и за убийство т.КИРОВА.

Написано мною собственноручно.

АНИШЕВ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ 1 ОТД СПО УГБ - ЛУЛОВ.

В е р н о:

